

Я. А. Ленцман

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ ГОМЕРОВСКОГО РАБСТВА

С тех пор как раскопками Шлимана, Дерпфельда, Эванса и других археологов были открыты богатейшие цивилизации Микен и Крита, историческая наука, как известно, начинает изучение древней Греции не с гомеровской эпохи, а по крайней мере на два тысячелетия раньше. Эти величайшие открытия позволили установить, что гомеровское время является не началом, не отправным пунктом, но результатом длительного исторического процесса. Исследование крито-микенской культуры постольку, поскольку она представлена в обильных памятниках материальной культуры, позволило определить в общем и целом последовательность развития производительных сил и, в самых общих чертах, характер социально-политических отношений отдельных обществ эгейской культуры. Археологические раскопки дали также много материалов, свидетельствующих о связях древнейшего населения Эгейского бассейна с великими древневосточными цивилизациями.

Однако, несмотря на все эти величайшие открытия и достижения, даже при учете скудных данных египетских и хеттских письменных источников, а также при максимальном использовании отрывочных сведений значительно более поздних древнегреческих авторов о племенах Эгейского бассейна, история этих племен во второй половине II тысячелетия рисуется только в самых общих чертах. Прежде всего до сих пор очень мало известны производственные отношения того времени. Так, например, в отношении производителей материальных благ микенского общества мы вынуждены ограничиваться лишь самыми общими утверждениями примерно такого характера: «Размеры построек и трудность их возведения приводят к убеждению, что они были возведены не иначе, как путем кооперации многих людей и в течение долгого срока. Таковыми людьми, по аналогии с Востоком, могли быть только рабы и привлеченное на работу туземное население»¹.

Несколько более точны наши знания о социальных отношениях на древнем Крите. Большое значение в деле изучения исторического места минойской культуры вообще и в особенности вопроса о производи-

¹ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 97. Примерно столь же расплывчато вынужден характеризовать производственные отношения микенского времени и С. Я. Лурье. Описывая огромные дворцы и мощные стены, колоссальные гробницы и дорожную систему Микенского царства, он отмечает, что «все это вряд ли могло быть выполнено на той стадии коллективом свободных граждан» (см. С. Я. Лурье, История Греции, ч. I — с древнейших времен до образования Афинского морского союза, Л., 1940, стр. 55).

телях материальных благ на Крите имеет одна из последних работ акад. В. В. Струве — его «Предисловие» к недавно вышедшему в свет русскому переводу книги Пендлбери¹.

Используя имеющиеся в распоряжении современного исследователя литературные источники и археологические памятники, привлекая выводы последних работ Б. Грозного по расшифровке критских надписей, акад. В. В. Струве убедительно показал, что критское общество времен расцвета минойской культуры являлось обществом классовым, и доказал, что во второй половине II тысячелетия до н. э. на Крите уже существовали «элементы рабовладельческого хозяйства» (ук. соч., стр. 15 и 19). На основании анализа термина «мноиты» акад. В. В. Струве предполагает даже существование в минойское время на Крите значительной прослойки «государственных рабов...», которые своим трудом должны были обеспечивать существование господствующего класса» (ук. соч., стр. 18).

К сожалению, социальный строй микенского общества до сих пор еще не привлек к себе внимания советских историков. Весьма сомнительно, сможет ли наука дать удовлетворительное решение вопроса о производителях материальных благ микенской культуры вплоть до окончательного расшифрования критских надписей и до изучения архива философских табличек, найденных в 1939 г. Куруниотисом и Бледженом². Без широкого привлечения письменных источников все попытки в этом отношении будут иметь гипотетический характер. Данные, привлеченные в этом аспекте в очень интересной, но во многом спорной статье В. Георгиева, позволяют сделать более или менее твердый вывод лишь в отношении наличия рабства на Крите (ук. соч., стр. 57 сл.). Что же касается общественных отношений в Микенах, то здесь и В. Георгиев, несмотря на всю смелость его построений, вынужден гипотетически предположить, что «... микенская цивилизация с XIV по XII в., вероятно, представляла собой рабовладельческое общество, подобное критскому» (ук. соч., стр. 68), ограничиваясь в другом месте той же статьи неконкретизированным утверждением, что «расцвет микенской цивилизации может быть объяснен только тем, что здесь... существовал рабовладельческий строй» (ук. соч., стр. 60).

Открытие крито-микенской культуры, представляющее собой крупнейшее событие в исторической науке, выдвинуло целый ряд новых, очень сложных проблем, которые до сих пор еще ждут своего решения. Если раньше весь ход исторического процесса древней Греции укладывался в привычную схему, характеризующуюся восходящей, непрерывной, притом прямой линией развития, начиная с гомеровского времени через архаический период, то теперь стало необходимым включить в этот процесс историю по крайней мере еще целого II тысячелетия до н. э., причем основная трудность состоит в том, что общество крито-микенской эпохи находилось во многих отношениях на значительно более высоком уровне, чем более позднее, так называемое гомеровское общество X—IX вв. и даже архаическое общество Греции VIII—VII вв. В этой связи прежде всего важно определить, имела ли место последовательность развития от минойского общества к микенскому. Столь же необходимо уточнить, в какой степени можно говорить о восходящей линии развития от микенского к собственно гомеровскому обществу Греции начала I тысячелетия до н. э. Не ставя перед собой совершенно непосильной задачи предложить решение по всему этому кругу вопросов, мы попытаемся

¹ Дж. Пендлбери, Археология Крита. Перевод Я. М. Боровского, М., 1950; ср. ВДИ, 1950, № 4, стр. 43—47. См. также предисловие В. В. Струве к «Хрестоматии по истории древнего мира», т. I, М., 1950, стр. 12 сл.

² АЖА, XLIII (1939), стр. 557—576. Ср. В. Георгиев, История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете микенских надписей, ВДИ, 1950, № 4, стр. 49.

высказать в настоящей статье лишь некоторые соображения, связанные со второй из указанных проблем, ограничиваясь и здесь только вопросами, непосредственно связанными с характером микенского и собственно гомеровского рабства.

О том, сколь много еще в этой области неясного, свидетельствует упомянутая выше работа В. Георгиева. Вопреки принятому в исторической науке мнению о том, что творцы микенской культуры — ахейцы представляли собой раннюю волну греческих переселенцев, а доряне — позднюю, В. Георгиев полагает, «... что ахейцы, данайцы и аргейцы II тысячелетия до н. э. не были греками, что это племена догреческого населения» (ук. соч., стр. 64. Разрядка моя. — Я. Л.).

Это категорическое утверждение сочетается у В. Георгиева с другим, столь же категорически высказанным. Ссылаясь на то, что «язык надписей с континента одинаков с языком острова Крита», он утверждает, что «в этническом составе населения острова Крита и континента существенной разницы не было» (ук. соч., стр. 62).

И первое и второе положение В. Георгиева, на наш взгляд, неправильны. Что касается второго положения, В. Георгиев опирается здесь только на данные расшифровки минойских надписей, которая фактически находится лишь в начале своего пути. При этом он не учитывает свидетельства многочисленных археологических памятников. Общеизвестны существенные различия между материальными памятниками Микен и Крита. Для иллюстрации достаточно было бы сослаться хотя бы на наличие дома с мегароном во дворцах Микен и Тиринфа и на отсутствие мегарона на Крите. Да и весь воинственный строй быта микенцев, как он рисуется по археологическим памятникам и по древнейшим частям гомеровского эпоса, резко отличается от относительно мирного образа жизни критян.

Что же касается положения о сходстве критских и пелопоннесских надписей, то оно может объясниться, например, тем, что жители Пелопоннеса воспользовались критским алфавитом, так же как впоследствии греки заимствовали финикийский алфавит, а римляне — греческий.

Даже если окажется, что пилосские таблички не только составлены критским алфавитом, но и написаны на «минойском» языке, и то возможно предположить, что они представляют собой памятники критской колонии на Пелопоннесе. Вообще привлекать аргумент о сходстве языков в пользу тезиса об этническом родстве микенцев и критян неуместно до того, как одни и другие надписи будут полностью расшифрованы, что на сегодня является пока делом, может быть, ближайшего, но все же будущего.

Еще более сомнительно первое утверждение В. Георгиева о том, что посетители микенской культуры не были греками. Прежде всего оно не вяжется с его собственной, правильной, на наш взгляд, методикой исследования. В. Георгиев добился определенных успехов в расшифровке более древней, чем микенская культура, критской письменности, путем привлечения словарного фонда именно гомеровского эпоса, написанного, как известно, не на догреческом, а на греческом языке.

Выдвинув тезис о непринадлежности микенских ахейцев к числу греческих племен, Георгиев не смог объяснить, каким образом в основу, несомненно, греческого народного эпоса, каковым бесспорно являются «Илиада» и «Одиссея», могли быть положены подвиги совсем иного, по его мнению, чуждого грекам народа. Предположение В. Георгиева о том, что только «некоторые греческие племена», как «эллины», беотийцы и этоляне, могли быть привлечены к экспедиции против Трои «в виде союзников или вспомогательных войск» (ук. соч., стр. 66), явно не вяжется со всем содержанием эпоса. Вся обильная аргументация, приво-

димая в заключительной части его интересной статьи, неоспоримо доказывает, что в самом конце II тысячелетия до н. э. действительно произошло переселение греческих племен на юг. Это было мало кем оспариваемое так называемое переселение дорян. Однако эта аргументация не имеет ничего общего с положением о негреческом характере носителей микенской культуры. До тех пор пока не будет доказано, что героями гомеровского эпоса не были предки исторических греков, и это положение будет висеть в воздухе. Нам думается, что значительно более обосновано общепринятое в исторической науке положение о том, что «Крит и Микены были населены различными народами. На Крите жили негреческие племена, а в Микенах жили греки-ахейцы, пришедшие с севера, о походах которых на Трои рассказывается в „Илиаде“ Гомера»¹.

Замечание товарища Сталина о том, «... что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»², полностью относится и к греческому языку. На различных диалектах этого языка говорили как ахейцы, так и доряне. Только этим обстоятельством можно объяснить популярность эпоса среди всех греческих племен.

Изучение вопроса о связях микенского и собственно гомеровского общества должно, очевидно, идти не по линии конструирования мифических догреческих ахейцев, а в том направлении, в каком движется за последние два-три десятилетия исследование гомеровского вопроса в целом — по линии изучения различных напластований в эпосе, прежде всего по линии установления соответствий и связей между свидетельствами Гомера и все умножающимися археологическими памятниками микенской эпохи. До сих пор с этой точки зрения подвергались изучению памятники материальной культуры и быта³, политического устройства и религии⁴, причем удалось достичь довольно многого в смысле ограничения микенских от более поздних, собственно гомеровских, элементов в эпосе.

Однако, насколько нам известно, никто еще ни в советской, ни в буржуазной историографии не пытался поставить вопрос о том, насколько монолитна картина распространения рабовладения, например, в «Одиссее», нет ли разновременных, даже качественно различных напластований в свидетельствах Гомера о рабах, не сохранились ли и в этой области реминисценции микенской эпохи наряду с бытовыми чертами собственно гомеровского времени. Именно этот вопрос является основной темой настоящей работы.

Разработка круга проблем, связанных с гомеровским рабством, имеет тем большее значение, что, несмотря на всю изученность эпоса в исторической и особенно филологической литературе и на методологически правильную постановку вопроса о социально-экономических отношениях гомеровского общества в советской литературе⁵, положение рабов, согласно

¹ В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 88.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 26.

³ В этом отношении большой интерес представляет книга М. Р. Nilsson'a, *Homer and Mycenae*, L., 1933. Общие положения Нильссона конкретизированы на большом фактическом материале в книге Н. L. Lorimer, *Homer and the monuments*, L., 1950.

⁴ См. М. Р. Nilsson, *The Minoan-Mycenaean religion and its survival in Greek religion*, Lund, 1950.

⁵ Кроме общих курсов и учебников по истории древней Греции акад. А. И. Тюменева, В. С. Сергеева, С. И. Ковалева и С. Я. Лурье, в этой связи можно указать на большую статью И. М. Тронского «Проблемы гомеровского эпоса», стр. 23 — 87 в книге «Гомер, Илиада», изд. «Academia», М.—Л., 1935, и Е. Г. Кагарова «Общественный строй греков Гомеровской эпохи», «Советская этнография», 1937, № 4, стр. 46 — 60; ср. его же, «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев», М.—Л., 1937.

данным эпоса, не подвергалось монографическому изучению в исторической литературе, если не считать явно устаревшей, насчитывающей уже целый век своего существования книги Рихарда¹.

Научно-политическая актуальность исследуемой темы определяется между прочим и тем, что конкретный анализ гомеровского рабства позволит более точно определить его своеобразное историческое место и облегчит разоблачение одного из краеугольных тезисов циклистской концепции Эд. Мейера, которая и поныне еще пользуется влиянием в буржуазной историографии. Как известно, в буржуазной науке принято называть гомеровское время «греческим средневековьем». Анализ положения рабов по данным эпоса с полной убедительностью показывает, что они не имели абсолютно ничего общего с крепостными эпохи феодализма и, таким образом, содействует разоблачению измышлений буржуазной науки.

* * *

Наш анализ рабства в эпоху Гомера необходимо начать с изучения семантики различных терминов, которыми в эпосе обозначаются рабы. И. В. Сталин отмечает, что «...семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьёзное значение в деле изучения языка... Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н. Я. Марр и некоторые его „ученики“, то она может принести языкознанию большую пользу»². Анализ смысловой стороны различных терминов, обозначающих отдельные категории рабов, позволит глубже понять своеобразие гомеровского рабства и поможет определить его место в истории рабовладения в целом, а также выделить в нем разновременные наслоения.

В нашей статье о терминах древнегреческого языка, обозначающих рабов³, уже отмечалось, что в классическую эпоху для определения рабов употреблялись, в основном, три термина: «дул», «ойкет» и «андрапод». Тогда почти совсем не была затронута терминология рабов в эпосе не только ввиду большого объема той статьи, но прежде всего потому, что авторы «Илиады» и особенно «Одиссеи» пользуются специфическими терминами для обозначения рабов и вообще зависимого населения. Интересен и показателен уже сам по себе факт полного изменения «рабской» терминологии на протяжении всего лишь двух-трех столетий, несмотря на то, что основной словарный фонд эпоса почти полностью сохранился на последующих этапах развития греческого языка в течение тысячелетий вплоть до нашего времени. На этот не только интересный, но и важнейший вопрос мы постараемся дать ответ в дальнейшем, когда перейдем к анализу различных наслоений в эпосе. В данной связи важно отметить, что изменения в древнегреческой терминологии, относящейся к рабам, являются хорошей иллюстрацией к положению И. В. Сталина о том, что «...словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...»⁴ Он отражает важные сдвиги в производстве и общественных отношениях.

Обозначения рабов в эпосе привлекали к себе некоторое внимание историков, занимавшихся изучением гомеровского общества. Однако они

¹ W. Richard, De servis apud Homerum, Berl., 1851.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 37—39.

³ См. ВДИ, 1951, № 2, стр. 47—69.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

останавливались на этом вопросе лишь попутно, ограничиваясь перечислением и очень краткой, к тому же не всегда правильной, характеристикой отдельных терминов. В известном справочнике Бузольта — Свободы говорится: «Рабы или рабыни обычно называются *δρῶες*. Это выражение первоначально означало людей, покоренных силой оружия, и поэтому может относиться и к крепостным (*Hörige*). Дважды встречается *δοῦλη*. Довольно часто рабы называются *οἰκῆες*, домашними. Это тоже более широкое понятие, в которое могут войти и крепостные и свободные»¹. Вопросы о терминологии рабов касался относительно недавно Е. Г. Кагаров, который отмечал, что «...рабы у Гомера имеют следующие названия: *δοῦλοι*, *δρῶες*, *οἰκῆες*. В терминологии этой возможно установить следующее различие: *δοῦλοι* от глагола *δέω* означало вольнонаемников (? — Я. Л.), насильственно обращенных в холопов путем принудительного завладения трудом фета (? — Я. Л.), *δρῶες* от глагола *δραμέω* — наиболее употребительное слово для обозначения раба вообще, но первоначально относившееся лишь к военнопленным; что же касается до *οἰκῆες*, то в большинстве случаев слово это обозначало домашних, дворовых людей, челядь»². Такие характеристики названий рабов прежде всего недостаточно полны и, что еще более важно, не диалектичны. Они рассматривают названия рабов в состоянии покоя и неподвижности в то время, как диалектический метод требует изучения явлений в состоянии «...непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век»³. С этой именно, единственно правильной, точки зрения, очевидно, надлежит подходить и к изучению вопросов социальной терминологии.

Основным термином, служащим для определения рабов у Гомера, а также и у Гесиода, является *δρῶς* или *δρωή* (*δρωή*). Наряду с этим термином, в дошедшем до нас тексте поэм Гомера, который, как известно, содержит в себе значительное количество более поздних, послегомеровских интерполяций, имеются термины *δοῦλη* и *ἀνδραποῦς* (*ἀνδράποδος*), которые равно как и *δρῶς*, применяются исключительно к рабам. Кроме того, лица: несомненно, рабского состояния довольно часто определяются словами *οἰκῆες*, *γυναῖκες*, *ἀμφίπολοι* и *παλλακίς*. Не вполне ясно, к какой категории относится определение *δραστήρ*.

Надлежит обратить внимание сначала на термины, несомненно, относящиеся только к рабам. В этой связи важно определить в первую очередь, насколько употребительны в эпосе названия рабов более позднего классического времени: дулы, андраподы и ойкеты. При более близком рассмотрении оказывается, что ни один из этих столь обычных в античности терминов не применяется в мало-мальски значительных размерах у Гомера. Прежде всего показательно, что в эпосе совершенно не встречается термин *δούλος*, который, как мы видели, не только в классическое, но даже и в византийское время обозначает наиболее общее понятие «невольник». Правда, в эпосе изредка встречаются слова, родственные *δούλος*, как, например, *δοῦλη* (II, III, 409; Od., IV, 12), прилагательное *δουλιός* в часто цитируемом выражении *δουλιόν ἦμαρ* (II, VI, 463; Od., XIV, 340; XVII, 323), или равнозначное ему *δουλειός* (Od., XXIV, 252), а также *δουλοσύνη*. Однако все термины этой важной группы встречаются в эпосе лишь в единичных случаях и зачастую в интерполирован-

¹ G. Busolt und H. Swoboda, Griechische Staatskunde, Berlin — München, 1920—1926, стр. 170, ср. стр. 137 и 273; ср. также W. L. Westerman, Sklaverei, RE, Supplb. VI, стб. 895 сл.

² Е. Г. Кагаров, Общественный строй греков... стр. 54.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

ных строках¹. Важно отметить, что *δοῦλη* в эпосе никоим образом не имеет производственного оттенка. В «Илиаде» оно встречается в обращении Елены, с возмущением говорящей Афродите: «Будешь женой ему или даже наложницей (*δοῦλη*) только» (III, 409). В «Одиссее» говорится о Мегапенте, сыне Менелая, родившемся от «рабыни» (*ἐκ δοῦλης*). Таким образом, в обоих контекстах *δοῦλη* равнозначно *παλλακίς* «наложнице» с той только разницей, что последняя могла быть купленной (*ὄνητή* — Od., XIV, 202 сл.). В выражении *δοῦλον ἦμαρ*, трижды встречаемом в эпосе, речь идет, очевидно, снова не о производственном рабстве, а о рубеже между свободой и рабством в общем смысле слова — неволей². Это хорошо ощущается, правда, в несколько свободном переводе В. А. Жуковского:

*Тягостный жребий печального рабства (δοῦλον ἦμαρ) избрав че-
ловеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет*
(Od., XVII, 322 сл.).

В столь же общем, «непроизводственном» смысле следует понимать *τι δοῦλεον* (нечто рабское) в обращении Одиссея к Лаэрту (Od., XXIV, 252). Единственный случай, когда слово, производное от этого корня *δοῦλοσύνη*, имеет несколько «производственный» оттенок, встречается в рассказе Еврикли:

*В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все руководством домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу.* (*δοῦλοσύνη*. . . Od., XXII, 423).

Вывод, напрашивающийся сам собой из приведенного полного перечисления, таков: группа слов, связанная с термином *δοῦλος*, далеко не показательна для гомеровского рабства, особенно поскольку речь идет о применении рабов в производстве.

Что касается слова *ἀνδραποδῆς* (*ἀνδραποδῆς*)³, оно встречается только один единственный раз (II, VII, 475). Эта строка относится к общеизвестному, исключительно важному и часто цитируемому месту, где говорится о торговле греков, находящихся под Троей, с Евнеем, сыном Язона с Лемноса. Как известно, в дошедшем до нас тексте «Илиады» отмечается, что ахейцы платили Евнею «медью. . . железом, волами или же андраподами». Строка 475 (*ἄλλοι δ' ἀνδραποδῆσι τίθεντο δὲ δαίτα θάλασσαν*) была еще в древности отброшена, как послегомеровская интерполяция, всеми тремя знаменитыми alexandрийскими критиками: Аристархом, Зенотом и Аристофаном⁴. Притом эта строка была поставлена под сомнение именно ввиду того, что слово «андрапод», по мнению alexandрийцев, появилось уже после Гомера⁵. Согласно исследованиям Вакернагеля, который специально изучал

¹ Вызывает удивление, что Е. Г. Кагаров, интересная статья которого об общественном строе греков Гомеровской эпохи цитировалась выше, пишет в применении к эпосу: «*δοῦλοι* от глагола *δῆω* означало вольнонаемников, насильственно обращенных в холопов путем принудительного завладения трудом фета» (ук. соч., стр. 54). Непонятно, как автор сумел «столь точно» определить смысловое значение слова, которое вообще у Гомера не встречается.

² Гесикий так и определяет это выражение: *ἀτιμαλωσίας ἡμέρα* — день плена.

³ В дошедшем до нас тексте «Илиады» имеется форма *ἀνδραποδῆσσι* (dat. plur. от *ἀνδραποδῆς*). Аристарх предложил изменить ее на *ἀνδραποδοῖσι* (dat. plur. от *ἀνδραποδῶν*).

⁴ G. M. Bolling, *The athetized lines of the Iliad*, Baltimore, 1944, стр. 105. Ср. P. Maillon, *Introduction à l'Iliade*, P., 1942 (édition Budé), стр. 31.

⁵ «Выражение андраподы является более поздним, — заявляет Евстафий (692, 21). — Поэтому его отбросили Аристофан и Зенотот». Цитирую по книге Боллинга.

применение этого выражения у различных древнегреческих писателей, оно не встречается у лирических поэтов. Нет его и у Гесиода. Зато оно широко используется в V в. преимущественно в Аттике¹.

Учитывая, что в начальный период применения термина «андрапод» он, как об этом свидетельствует этимология, означает не *instrumentum vocale*, а только военнопленных, продаваемых в рабство, и приняв во внимание, что в эпосе говорится о громадном количестве таких случаев, мы должны придти к неоспоримому выводу, что отсутствие этого слова в эпосе никоим образом нельзя признать случайным. Ясно, что интересующая нас строка является поздней интерполяцией.

Итак, можно с полной уверенностью отметить, что из трех основных терминов, обозначающих в классическое время рабов (дулы, андраподы и ойкеты), два первых фактически не применялись в гомеровское время. Несколько по-иному обстоит дело с третьим термином — *οἰκέτης*. Это слово и в классическую эпоху обозначало не только домашних слуг — ойкетов, но вообще всех членов семьи (понятно, в античном смысле этого слова) — «домочадцев». Слово *οἰκέτης* в эпосе не встречается. Однако несколько раз применяется равнозначное ему в обоих оттенках *οἰκέως*. Гесикий² определяет его s. v. *οἰκήτας* следующим образом: «все относящиеся к роду (*γένος*): и рабы (*δούλους*) и все, находящиеся в доме». Действительно, в эпосе имеются контексты, где *οἰκέως* никоим образом нельзя переводить в смысле «раб». Так, например, в II., VI, 365 сл., Гектор говорит Елене:

*Я же отправлюсь домой и на малое время останусь,
Чтобы увидеть домашних, жену дорогу и сына
(οἰκήτας ἄλοχόν τε φίλην καὶ υἱόν οἶον).*

Очевидно, в данном контексте под *οἰκήτας* следует понимать собственно членов семьи, а не рабов. Ведь абсолютно невозможно полагать, что Гектор поставил бы в данном контексте на первое место рабов, а лишь после них перечислял Андромаху и Астианакса. Аналогичный смысл имеет *οἰκέως* и в II., V, 413 и Od., XVII, 533.

Однако в «Одиссее» *οἰκέως* в большинстве случаев означает слуг и даже рабов. Евмей, согласно Od., XIV, 4, принадлежал к числу *οἰκίων*, *οὓς κτήσατο δῖος Ὀδυσσεύς*³ («которых приобрел благородный Одиссей»). Процитированное выражение представляет собой параллель известному, многократно встречающемуся в эпосе обороту *δμῶν οὓς μοι λήϊστατο δῖος Ὀδυσσεύς* (Od., I, 398 и др.)⁴. Таким образом, *οἰκέως* здесь полностью соответствует термину *δμῶς* и имеет значение «раб». Тот же Евмей в другом месте «Одиссеи» неоднократно называется *δμῶς*. В таком же, примерно, смысле, повидимому, следует понимать *οἰκέως* и в Od., XVI, 303; IV, 245.

Мы исчерпали почти все случаи применения в эпосе терминов, которыми обычно характеризуются в классическую эпоху рабы. Терминологический анализ подтверждает выдвинутое раньше положение о коренном различии между терминологией гомеровского и последующего времени. Слова, определяющие рабов классического времени, фактически не встре-

¹ J. Wackernagel, Sprachliche Untersuchungen zu Homer, Gött., 1916. Цитирую по книге Боллинга. Выводы Вакернагеля подтверждают определение термина «андрапод», данное в моей статье о древнегреческих терминах, обозначающих рабов.

² Hesychii Alexandrini lexicon, ed. M. Schmidt, Jenae, 1867. Аналогично определяют его Поллукс (III, 82) и Свидя, s. v.

³ Это место совершенно неправильно переведено Жуковским: «... который усерднее прочих // царских рабов наблюдал за добром своего господина».

⁴ Очевидно, в отношении Евмея, купленного Лазартом (Od., XV, 483), нельзя было применить глагол *λήϊσσαι* — грабить, уводить добычу.

чаются в эпосе. С другой стороны, как мы увидим в дальнейшем, «рабская» терминология эпоса исчезает в последующее время¹. Товарищ Сталин в своей классической работе «Марксизм и вопросы языкознания» указывал, что «... словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путём отмены старого и постройки нового, а путём пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов»². При сохранении основного старого словарного состава такими новыми словами, вошедшими в древнегреческий язык в связи с развитием производства в послегомеровское время, были термины: «дул», «ойкет» и прежде всего «андрапод». К числу устаревших слов, выпавших, несмотря на большую популярность эпоса, вскоре после Гомера из употребления, принадлежали термины *δρωζ* (*δρωζ*) и *ἀμφίπολος*, требующие более детального изучения.

В применении к рабам и рабыням слова *δρωζ* и *δρωζ* встречаются значительно чаще, чем все прочие названия, вместе взятые. В словарях Гесихия и Свида эти термины определяются как *δούλος*, resp. *δούλη*³. В словаре Папе *δρωζ* переводится как «раб» с важным уточнением «... означало сначала человека, побежденного в бою и обращенного в раба (Od., I, 398). В последующем — вообще раба, вне зависимости от способа приобретения»⁴. Замечание Папе вполне правильно. Это следует хотя бы из произведенного несколько раньше сравнения Od., I, 398 с Od., XIV, 4. В двух аналогичных по конструкции строках *δρωζ* сочетается с *λήϊστατο* (ср. II., XVIII, 29), а *οἰκῆον* с *κτῆστατο*. Если раньше (стр. 45) отмечалось, что *οἰκῆος* равнозначно *δρωζ*, то сейчас можно уточнить, что *οἰκῆος* приобретался различными путями, а *δρωζ* силой оружия. В этом отношении характерно, что интересующий нас термин *δρωζ* только один раз встречается в «Илиаде»⁵, но зато несколько десятков раз в «Одиссее». Такое соотношение нельзя считать случайным, так как в отличие от *δρωζ* слово *δρωζ* встречается в «Илиаде» более чем в десятке случаев. Повидимому, почти полное отсутствие термина *δρωζ* в «Илиаде» связано с тем известным обстоятельством, что пленные мужчины первоначально убивались, в то время как женщины уже обращались в рабство. В несколько более поздней «Одиссее» отражено время, когда в рабство обращались и пленные мужчины. Кроме того, появились не только взятые в плен, но и купленные рабы.

Несмотря на четкое, в общем и целом, применение терминологии в эпосе, все же имеются случаи, когда заведомо купленные, а не захваченные рабы называются *δρωζ*, а не, например, *οἰκῆος*. Так, Еврикля, несомненно купленная Лаэртом (*πρίατο* — Od., I, 430), называется *δρωζ* (там же, 435 и др.). Также и Евмей, купленный Лаэртом (то же *πρίατο* — Od., XV, 483), обычно называется *δρωζ* (Od., XIV и XV passim), но также и *οἰκῆος* (Od., XIV, 4). Все-таки поскольку речь идет об источниках получения *δρωζ*, можно с уверенностью сказать, что основой поработе-

¹ В частности, рассмотренный нами термин *οἰκῆος*, если абстрагироваться от Гомера, встречается довольно часто еще только в Гортинской надписи и, уже в виде анахронизма, у трагиков, Ср. Liddel and Scott, A Greek-English Lexicon, Oxf., 1940, s. v.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 25.

³ Hesychius, s. v. *δρωζ*; Suidae Lexicon, ed. G. Bernhardt, Halle, 1852—1853, s. vv. *Δρωζ*, *Δρωζ*.

⁴ W. Paape, Handwörterbuch der griechischen Sprache, Braunschweig, 1880, s. v. *δρωζ*; ср. Liddel—Scott, s. v.; ср. ВДН, 1951, № 2, стр. 51.

⁵ XIX, 333: *κτῆσιν ἐμῆν δρωζας τε και ὕψεφερες μέγα δῶμα* — «наше владенье, рабов и с высокою кровлею дом наш», в переводе Вересаева.

ния было внеэкономическое принуждение — обращение в рабство военнопленных и пиратство. Неслучайно ведь и название пиратов в классическое время *ληῖται* восходит к упоминавшемуся гомеровскому *ληΐζομαι*. Однако в «Одиссее», наряду с этой первоначальной и все еще основной категорией рабов, появляются уже и купленные *δμῶες*. На ранний, внеэкономический способ приобретения рабов указывает и происхождение термина *δμῶς*, восходящего к глаголу *δαμῶμι* — *δαμῶζω* (одолевать, покорять)¹.

Если рассматривать греческие эпопеи только с точки зрения наличия в них отдельных категорий рабства, то можно сказать, что «Илиада» характеризуется в основном еще «домашними» отношениями. К ней полностью применима характеристика Энгельса: «Иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»². О том, что рабство военнопленных мужчин стало «...уже признанным учреждением»³, мы можем судить только по «Одиссее».

Некоторый интерес представляет встречающийся в «Одиссее» не вполне ясный по своему значению термин *δμῶες ἀναγκάστοι* (Od., XXIV, 210). В словарях, по аналогии с *ἥραρ ἀναγκάστον*, это понятие переводится обычно как рабы-военнопленные⁴. Пожалуй, более правильно все же понимать это выражение, вслед за схолиастами, как *χρεῖσθεῖς* — «необходимые». В пользу такого именно понимания свидетельствует весь контекст, в котором идет речь о труде и быте рабов Лаэрта.

В отдельных отраслях производства *δμῶες* заняты неравномерно. Очень показательно, что мы, например, не знаем ничего о работе рабов Одиссея в земледелии. Исключение составляет только садоводство: в саду Лаэрта ухаживает за плодовыми деревьями *δμῶς* Долий и его шесть сыновей, также рабов, вместе с другими рабами. Возможно, что об его уходе за этим же «садом со многими деревьями» говорит и Пенелопа (Od., IV, 737). Всюду, где речь идет о собственно земледелии, в эпосе говорится о свободных людях, либо обрабатывающих свои собственные поля, либо о свободных же наемниках — фетах и батраках, например, *ἑριδοί* или *ἐκάρουροι*. Отсутствие упоминаний о труде рабов в земледелии вряд ли можно считать случайным. Повидимому, основные сельскохозяйственные работы тогда в самом деле выполнялись свободными⁵.

Зато скотоводство, отрасль хозяйства в то время не менее важная, чем земледелие, почти полностью обслуживается рабским трудом. Кроме

¹ Французский историк Г. Глотц указывает, что «слово, обычно определяющее рабов (*δμῶς*, *δμῶν*), означает „домочадцев“, как позже *οἰκεῖος* и *famulus*» (G. Glotz, *Le travail dans la Grèce ancienne*, P., 1921, стр. 25). Вряд ли это предположение, навеянное общими установками французского ученого, восходящими к концепции Фюстель-де-Куланжа, можно считать вполне правильным. Ведь в эпосе встречаются, несомненно, родственные с *δμῶς* слова *δμήσις*, *δμήτειρα*, *Δμήτωρ*, восходящие по смыслу к *δαμῶζω*, а не к *δμῶς*; ср. схолий Аристоники к Od., IV, 644 (ВДИ, 1951, № 2, стр. 51).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 451.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 107.

⁴ *Zwangsknechte, Kriegsgefangene*: C. Capelle, *Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden*, Lpz., 1889, s. v.

⁵ Вполне правильно замечает И. М. Тронский (ук. соч., стр. 48): «Примитивность земледельческой техники и малые размеры земельных наделов создавали условия, при которых постоянное содержание несвободной рабочей силы представлялось менее выгодным, чем временный наем батрака на страдную пору; ремесло было еще слишком неразвито, чтобы со своей стороны нуждаться в рабском труде».

В характеристике гомеровского рабства у Глотца (G. Glotz et R. Cohen, *Histoire grecque*, I⁴, P., 1948, стр. 138) утверждается, что рабы-мужчины работают на полях и стерегут скот. Утверждение Глотца относительно работы рабов в гомеровском эпосе в земледелии не подтверждается источниками.

общеизвестного в переводе Жуковского «главного здесь над стадами свинными смотрителя» (Od., XIII, 405) Евмея, старшего над четырьмя свинопасами, имеющего собственного раба Месавлия (Od., XIV, 449 слл.), у Одиссея было еще, по словам Евмея (Od., XIV, 96—104), по 12 стад крупного рогатого скота, овец, коз и свиней на материке и к тому же еще 11 козьих стад на Итаке. Вместе со стадами, находящимися под присмотром Евмея, это составляло в общей сложности 71 стадо. Если считать, что на каждую дюжину стад требовалось в среднем, как у Евмея, четверо пастухов с одним надсмотрщиком — всего 5 человек, мы получим, что в хозяйстве Одиссея должно было быть занято около 30 скотоводов. Правда, крупный рогатый скот пасли не только рабы, но и свободные наемники (ξείνοι — Od., XIV, 102). Все-таки среди пастухов свободных было значительно меньше, чем рабов, что объясняется необходимостью содержать пастухов круглый год в то время, как на сезонных сельскохозяйственных работах выгоднее было применять оплачиваемый только временно свободный труд.

Тот факт, что рабы-мужчины используются прежде всего в скотоводстве, полностью подтверждает замечание Энгельса: «Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться военнопленным врагом, который к тому же мог размножаться, как тот же скот»¹. Действительно, в «Одиссее» уже появляются первые οἰχογενεῖς — доморожденные рабы, как, например, Мелантий, сын Долия, или дочь Долия, Меланто. Однако, кроме скотоводства, рабы-мужчины были заняты также и на собственно домашних работах; они колют дрова, запрягают лошадей (Od., VI, 69) и выполняют некоторые другие аналогичные функции. Из Od., IV, 644, можно сделать вывод, что δρῶες иногда работали в качестве гребцов. Таким образом, общее число одних только рабов-мужчин садоводов, пастухов и прочих в хозяйстве Одиссея должно было быть близким к 40—50². Весьма показательно, что все ремесленники, о которых говорится в эпосе, а их довольно много: кузнецы, золотых дел мастера, плотники, строители, горшечники, кожевники, лучники и т. д., — несомненно свободные люди. Ни один δρῶς не занимается ремеслом.

Не вполне ясно социальное положение людей, обозначаемых термином δρῆστῆρ, resp. δρῆστῆρα (Od., XVI, 248; XVIII, 76; XX, 160 и др.)³. Эти слова, восходящие к корню δρῶω, встречаются изредка только в эпосе и совершенно исчезают в классическое время. Повидимому, они означают слуг и служанок, но, возможно, не рабов, а свободных. Их социальное положение, судя по контексту, несколько выше, чем положение обычных рабов. Вряд ли оправдано категорическое утверждение Рихтера, считающего δρῆστῆρες несомненными рабами⁴.

Основным термином, при помощи которого в эпосе определяются рабыни, является δρῶή. Этим словом очень часто пользуется Гомер, оно встречается в эпосе почти всегда во множественном числе, обычно в связи с последующим γυναικες. В классическую эпоху оно в обиходной речи не встречается и очень редко употребляется в прозе⁵. Количество рабынь, обозначаемых термином δρῶαί, не говоря уже о несомненных рабынях, называемых γυναικες, а иногда и ἀμφίπολοι, значительно превышает число рабов-мужчин. Δρῶή, по нашим подсчетам, упоминается 44 раза в «Одис-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 55.

² Ср. Richard, ук. соч., стр. 19. Цитирую по книге Buchholz, Homerische Realien, т. II b, стр. 70.

³ R. J. Cunliffe. A lexicon of the Homeric dialect, Lond., 1924, s. vv.

⁴ W. Richter, Die Sklaverei im griechischen Alterthume, Breslau, 1886, стр. 17.

⁵ Liddell—Scott, s. v.

... и 11 раз в «Илиаде»; δρῶς — соответственно — 26 и 1. Несмотря на некоторую возможность случайных повторений одного и того же термина, вряд ли можно считать делом случая, что количество упоминаний о рабах дважды превышает число свидетельств о рабах. В общих чертах оно, несомненно, отражает реальное соотношение между числом одних и других, объясняемое примитивным еще характером рабовладения. В Od., XXII, 222 сл., недвусмысленно говорится об участии семей побежденных: сыновьям грозит смерть, а женщинам: жене и дочерям, — продажа в рабство (ср. Od., VIII, 523 слл.). То же соображение неоднократно приводится и в «Илиаде»: эта мысль ярко выражена в словах Приама (II, XXII, 62):

Гибнущих видеть сынов, дочерей, увлекаемых в рабство.

Оба конкретных указания на наибольшее число — 50 рабов — касаются δρῶς: (Od., VII, 103 и XXII, 422). Не менее показательны то, что при перечислении богатств, например, Ахиллеса, указываются не вообще рабы, но именно рабыни (II, XXIII, 549 сл.; ср. XVIII, 28):

..... а также не мало
Однокопытных коней у тебя, и свец, и невольниц (δρῶσι).

Если в «Илиаде» δρῶσι являются прежде всего наложницами победителей и нам мало известно об их работе, то «Одиссея» в значительной степени возмещает этот пробел и дает много указаний на трудовую деятельность рабынь. Поэтому в дальнейшем изложении привлечены почти исключительно данные «Одиссеи». В этой связи стоит отметить только один интересный бытовой штрих. В «Илиаде» функции по обслуживанию гостей выполняют равным образом и «герои» и рабыни. Например, в IX, 658 сл. говорится:

Тотчас Патрокл приказал как товарищам, так и рабыням
(ἐτάροισιν ἰδὲ δρῶσιν)

Фениксу мягкое ложе постлать.

(ср. XXIV, 643).

В «Одиссее» все аналогичные работы за редкими исключениями выполняют рабыни и служанки.

В отличие от рабов, разбросанных по пастбищам, рабыни в основном сконцентрированы в доме. Телемах, советуясь с Одиссеем о проверке рабов и рабынь, говорит ему (Od., XVI, 316 слл.):

Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин¹,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же (ἀνδρῶν)
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порсэнь живущих (κατὰ σταδρῶς).....

О 50 рабынях Одиссея Евриклея говорит, что все они проживают в «девичьей» самого дома (ἐνὶ μεγάρῳσι — Od., XXII, 421). В том же, повидному, смысле употреблено в описании дома Алкиноя выражение κατὰ δῶμα (Od., VII, 103).

Занятия рабынь сводились прежде всего к различным домашним работам: обслуживанию хозяев, уборке дома, приготовлению пищи, уходу за

¹ В тексте γυναικῆς по смыслу, вне всякого сомнения, означают рабынь.

гостями. Часть рабынь занята прядением и ткачеством и работой на мельнице. Рабыни Алкиноя (Od., VII, 104 сл.)

*Рожь золотую мололи одни эсерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками.*

Аналогично описываются занятия рабынь Одиссея (Od., XXII, 422 сл.):

... .. заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу.

В этой связи интересно отметить некоторые элементы организации и разделения труда среди рабынь, поскольку они прослеживаются в хозяйстве Одиссея. На мельнице работало 12 рабынь; каждая из них имела определенное дневное задание. Эти рабыни называются *τουαίχας* (Od., XX, 105), они же иногда называются *δρωαί* (там же, 122). 20 рабынь ходило по воду (там же, 158). Имелись также рабыни, специально занимавшиеся прядением и ткачеством (*εἰρή τὲ ἐπιτείν* — Od., XXII, 423). Еще более четко распределены и частично противопоставлены функции рабынь Алкиноя: одни из них работают на мельнице, другие прядут и ткнут (*αἱ μὲν ἀλετριουσι . . . αἱ δ' ἰστοὺς ὕφουσι καὶ ἡλάχματα στρωφουσι* — Od., VII, 104 сл.).

Рабыни, знающие какое-либо ремесло, очевидно, ценились значительно выше, чем необученные, и поэт никогда не забывает отметить их более высокую ценность. Так, Одиссей, обращаясь к Лаэрту, говорит: «Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц» (*ἑταίρας ἀμύμονα ἔργα ἰδοίτας* — Od., XXIV, 278; ср. II, IX, 128, 270 и др.). Эти обученные рабыни несомненно использовались по специальности.

Среди других рабынь была всегда одна старшая, выполняющая функции надсмотрщицы. Такой в доме Одиссея была Еврикля, Телемах говорит о ней, как о «дельно за рабынями нашими смотрящей» (*δρωάων ἐκπέρας* — Od., XXII, 396). Таковыми же надсмотрщиками за рабами-мужчинами были упомянутый выше Евмей, Филотий, Мелантий, называемые часто почетным званием *εὐχαιρὸς ἀνδρῶν* (Od., XIV, 22; XV, 351, 389; XX, 185, 254 и passim).

Нарисованная картина занятий рабынь-рукодельниц в корне отличается от модернизаторских измышлений буржуазных историков. Ссылаясь на приведенные нами тексты, Белох заявляет: «Уже гомеровский эпос показывает нам в домах богачей многочисленных рабынь, занятых изготовлением одежды под присмотром хозяйки дома; близка была идея повторить при производстве на рынок то, что происходило для удовлетворения собственных потребностей»¹. Несколько раньше, со ссылкой на II, IV, 141, где говорится о карийке или меонийке, красящей пурпуром слоновую кость, Белох замечает, что она «конечно (natürlich) (?—Я. Л.), является рабыней на службе ионийского фабриканта» (там же, стр. 266, прим. 5). Стоит ли доказывать, что эпос не знает никаких, ни ионийских, ни каких-либо других фабрикантов, что у Гомера нигде нет ни единого слова о продаже одежды, что греки гомеровского времени вообще не знали монеты, а только натуральный обмен, и, наконец, что для возникновения рыночной продажи ремесленных изделий нужна не «идея о производстве на рынок», как это кажется апологету капитализма, а определенный, довольно высокий уровень общественного разделения труда, которого не знало, да и не могло знать гомеровское общество.

¹ J. Beloch, Griechische Geschichte, I², 1, стр. 269.

Нам осталось рассмотреть еще два термина, которые иногда применяются для определения лиц рабского состояния: *γυναῖκες* и *ἀμφίπολοι*. Первый из них, очень часто встречаемый у Гомера и в позднейшем греческом языке, обозначает вообще женщин; следовательно, может относиться и к свободным, равно как и к рабыням. Однако во множественном числе он приобретает несколько уничижительный оттенок и обычно определяет пленных и рабынь¹. Очень часто встречаются в эпосе выражения *δμοῖι γυναιῖς* (Il., VI, 323; IX, 477; Od., VII, 103; XIII, 66; XVI, 108; XXII, 37 и 396) и параллельные ему *ἀμφίπολοι γυναῖκες* (Od., IV, 751; VII, 235; XVI, 413, XIX, 603; XXI, 8). Приведенные в нашей таблице свыше 40 случаев применения слова *γυνή* в эпосе охватывают лишь те контексты, где речь идет о рабынях, служанках или военнопленных. Они не могут служить показателем наличия столь же большого количества рабынь, тем более, что иногда сочетаются с *δμοῖι* и *ἀμφίπολοι*, но все же дают некоторое дополнительное число рабынь в сравнении с ранее указанным. Так, например, *γυνή ταμίη* (Od., III, 479) — ключница Нестора, укладывавшая продовольствие в колесницу Телемаха, несомненно, рабыня, хотя и не названа *δμοῖι*. Упомянутые выше опытные в рукоделье четыре рабыни и семь таких же рабынь, которых Агамемнон предлагает Ахиллесу (Il., IX, 128 и др.), тоже называются просто *γυναῖκες*, но это, вне всякого сомнения, рабыни. Рабыней также является женщина (*γυνή*) «в работах многих искусная», предназначенная Ахиллесом в награду побежденному участнику соревнований в честь Патрокла (Il., XXIII, 704 сл.; ср. там же, 263 сл.). Столь же несомненными рабынями являются просто *γυναῖκες*, противопоставляемые *δμοῖς ἄνδρες* в Od., XVI, 304 сл. Из всех этих примеров следует, что количество упоминаний о рабынях не вдвое, а значительно больше превосходит число упоминаний о рабах-мужчинах, что, как говорилось выше, полностью соответствует достигнутому в то время уровню развития рабовладения.

Если раньше указывалось, что количество рабов-мужчин в хозяйстве Одиссея достигало значительного числа около 40 человек, то в отношении рабынь необходимо напомнить, что данное в эпосе число «50» относится только к рабыням, живущим в самом доме. В это число, несомненно, не входит, например, рабыня, проживавшая в усадьбе Лаэрта. Возможно также, что в число 50 *γυναῖκες* не включены и некоторые *ἀμφίπολοι*. Вряд ли причисляет себя к ним и Еврикля. Как уже указывалось выше, есть основания полагать, что общее число рабынь, по крайней мере, вдвое превышало количество рабов-мужчин.

Что касается *ἀμφίπολος*, то этот гомеровский термин равным образом означает служанок, горничных, более приближенных к хозяйке дома, чем вся масса рабынь. Они очень часто выступают в эпосе в качестве спутниц или подруг Пенелопы, Навзикаи, Елены и других членов семейств басилеев². В отношении *ἀμφίπολοι* поэт чаще применяет такие определения, как: «белорукые» (Od., VI, 239, XVIII, 198), «пышноволосяе» (Od., VI, 198 и 238) и т. д. Все же иногда несомненные рабыни, как, например, Еврикля, определяются как *ἀμφίπολοι*.

¹ R. J. Cunliffe, s. v. *γυνή*.

² R. J. Cunliffe, s. v., определяет это понятие следующим образом: «служанка, компаньонка или камеристка, с трудом отличается от *δμοῖι*. Эти слова иногда применяются без различия (ср. Od., VI, 52 с 307 и 84 с 99). Однако в Od., XXI, 483 сл., *ἀμφίπολοι*, повидимому, являются личными спутницами, а *δμοῖι* прочими служанками». Хорошее определение функций *ἀμφίπολος* дает Селевк у Афиня (VI, 267 с): *ἀμφίπολον δὲ τῆν περὶ τῆν δεσποίνην θεράπειαν*.

В П., VI, 323 сл., имеется следующее место:

*Там же сидела Елена аргивская в кругу домашних
Жен-руководельниц и славные им назначала рабсты*

*Ἄργειῃ δ' Ἑλένη μετ' ἄρα δμῶσσι γυναῖξιν
ἤστο καὶ ἀμφίπολοι περικλυτὰ ἔργα κέλευεν.*

Речь здесь, очевидно, идет об одних и тех же руководельницах. В первом случае они называются δμῶαί γυναῖκες, во втором же ἀμφίπολοι. Количество таких случаев — замены одного термина другим в эпосе — можно было бы значительно увеличить. Быть может, нечеткость терминологии в отношении ἀμφίπολοι свидетельствует о промежуточном между рабством и свободой положении этой группы лиц. Во всяком случае некоторая часть ἀμφίπολοι несомненно принадлежала к числу рабынь, чем и оправдывается включение этого термина в нашу вторую таблицу.

Родственным этому термину является θαλαμηπόλος «камеристка», только дважды встречающаяся во всем эпосе (Od., VII, 8; XXIII, 293).

Все проанализированные нами термины, обозначающие рабов в эпосе, можно свести в следующие две таблицы:

Таблица 1
Термины классического времени

	«Илли- ада»	«Одис- сея»	Итого
δούλη	1	1	2
δούλιος (δουλειος)	1	3	4
δουλοσύνη	—	1	1
οἰκεύς	2	4	6
ἀνδράποδον	1	—	1

Учитывая, что в эпосе совершенно не встречается δούλος, что οἰκεύς обозначает не только рабов, но иногда заведомо свободных членов семьи и что ἀνδράποδον находится в интерполированной строке, можно считать вполне доказанным тезис об отсутствии соответствующих терминов классического времени в эпосе. Это положение становится еще более неоспоримым, если учесть данные второй нашей таблицы.

Таблица 2
Термины гомеровского времени

	Илли- ада»	«Одиссея»			Итого
		I—IV	V—XIII	XIV—XXIV	
δμῶς	1	3	6	17	27
δμῶν	11	8	6	30	55
γυνή ¹	14	4	1	22	41
ἀμφίπολος ¹	13	9	17	19	58
δρηστήρ	—	—	1	5	6

¹ В отношении слов γυνή и ἀμφίπολος надо иметь в виду замечания, высказанные на стр. 51.

Уже количественное соотношение терминов второй и первой таблицы¹ показывает, что в эпосе пользуются совершенно специфической, чуждой классическому времени «рабской» терминологией. Это обстоятельство должно привлечь к себе тем большее внимание, что, как уже говорилось выше, основной словарный фонд гомеровских поэм почти полностью вошел в состав позднейшего греческого языка. Единственное возможное объяснение отсутствия более поздних терминов в эпосе и одновременно фактического исчезновения гомеровских терминов в последующее время, на наш взгляд, состоит в предположении, что резкое изменение «рабской» терминологии отражает определенный разрыв в развитии самого рабства.

Невидимому, от гомеровского рабовладения, каким оно отражено в эпосе, не ведет прямая, восходящая линия развития к рабовладению архаического и классического времени. Отмирание старой терминологии должно в той или иной степени отражать отмирание старых форм рабства; появление и распространение новых терминов, означающих рабов, свидетельствует об изменении самого характера рабовладения.

Само собой разумеется, что в данном случае речь вовсе не идет о каком-то «внезапном взрыве» в развитии древнегреческого языка. Товарищ Сталин учит, что «марксизм не признаёт внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка»². Выдвигая положение об отмирании старой и о появлении новой терминологии, мы прежде всего должны подчеркнуть, что здесь речь идет не о чем-то внезапном, а о постепенном, длившемся целые столетия процессе исторического развития рабовладения. Для того, чтобы ранее господствовавшая «рабская» терминология полностью исчезла и уступила место совершенно новой терминологии, требовались века, требовался значительно больший исторический срок, чем тот, который имел место между VIII в. — ориентировочным временем оформления эпоса — и VII—VI вв., когда зарождалось новое, античное рабство.

Высказанная гипотеза находится в резком противоречии с принятым в исторической науке взглядом на последовательность развития рабства в древней Греции. Принято полагать, что Гомер, Гесиод, Геродот, Фукидид, Ксенофонт отражают последовательные, вытекающие непосредственно один из другого этапы прямолинейного нарастания рабовладения вплоть до высшей точки, достигнутой для континентальной Греции в IV в. до н. э. Однако в этой схематической, переходящей без каких-либо существенных изменений из учебника в учебник картине есть слабые места. Данная схема, постулирующая последовательное непрерывное нарастание рабства, наиболее уязвима в своем основании — в эпосе.

Господствующая и поныне оценка гомеровского рабства базируется на тенденции всячески преуменьшать его фактические размеры и историческое значение³. Эта тенденция была еще в прошлом веке четко сформулирована, например, Рихтером, который дает следующую характеристику гомеровского рабства: «Совместная работа рабов и свободных не требует многих рабов. Упомянутые в *Od.*, XVII, 422: *ἤσαν γὰρ δίδωες μᾶλα μύριοι ἄλλα τε πολλὰ* — преувеличение. Число „50 рабынь“ тоже, вероятно, преувеличено.

¹ Если не считать термина *δραστήρ*, смысловое значение которого не вполне ясно.

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1951, стр. 27 сл.

³ Несколько в стороне от этой тенденции стоит А. Валлон, который в середине прошлого века в монографии «История рабства в античном мире» (М., 1941, стр. 17) писал: «Представляет ли поэт перед нами картину битв, описывает ли он сцены домашней жизни, — рабство всегда является фоном картины. Оно является у него как факт глубокой древности, освященный обычаем и под различными видами непрерывно проявляющийся в обиходе народов Востока».

Количество мужчин-рабов у Одиссея неизвестно, но они были заняты преимущественно в скотоводстве. Общее число рабов во всей Греции значительно меньше, чем в более позднее время, так как еще нет горного дела и широкой торговли, опирающейся на различные ремесла. Рабы имеются только у богатых и знатных»¹.

Не говоря уже об явной тенденции к преуменьшению роли рабского труда и к голословному, совсем неаргументированному скептицизму по отношению к свидетельствам эпоса, необходимо обратить внимание на совершенно недопустимый, на наш взгляд, прием: сравнение гомеровского рабства не с непосредственно за ним следующим архаическим, а со значительно более поздним классическим периодом. Ведь замечание Рихтера о значительном применении рабского труда в горном деле и ремесле относится ко времени не раньше VI—V в.

Характеристика гомеровского рабовладения, данная Рихтером, заслуживает тем большего внимания, что она показательна для взглядов буржуазной историографии еще, так сказать, относительно раннего периода. Примерно так же в начале XX в. оценивается гомеровское рабство и в справочнике Бузольта—Свободы, где говорится: «Несмотря на то, что Одиссей (XIX, 78) считает необходимой принадлежностью богатого, благородного дома большое количество рабов, все же в общем и целом число рабов не велико»². И здесь, так же как у Рихтера, отсутствует исторический критерий сравнения.

Общая тенденция мейеровской школы буржуазной историографии рабства наиболее четко сформулирована Вестерманном в известной статье в энциклопедии Паули. Вестерманн, наряду с общим преуменьшением, вопреки эпосу, числа и значения рабов и приукрашиванием их положения, явно преувеличивает роль свободного труда в гомеровскую эпоху³.

В либеральной французской историографии общепринята концепция Глотца, оценивавшего гомеровское рабовладение как весьма еще примитивное. Характеризуя хозяйство Одиссея, Глотц замечает, что «трех десятков людей хватает для ухода за скотом, еще дюжина, максимум два десятка, заняты производством зерновых, виноградником и садом. Если для такого ухода требовалось не более чем полсотни людей, то на селе рабство не было очень развито»⁴. Цифры, указанные Глотцем, правильны. Однако к его подсчету рабов-мужчин необходимо добавить еще по крайней мере полсотни рабынь. Тогда мы получим на хозяйство Одиссея в общей сложности около ста рабов. Такое количество нельзя считать незначительным. Оно свидетельствует, по нашему мнению, о серьезном развитии рабства. Ведь для того, чтобы в греческой истории найти такое количество рабов во владении одного, пусть даже самого крупного богача, нам надо обратиться к V—IV вв.—времени максимального развития рабства в классической Греции.

Для того, чтобы определить удельный вес и степень развития рабовладения по данным эпоса, можно обойтись и без всякого рода статистических выкладок и подсчетов. Достаточно обратиться к одному только месту из «Одиссеи», о котором попутно, совершенно неправильно его оценивая, говорит Рихтер. В Od., XVII, 422 сл., Одиссей, переодетый нищим, говорит Антиною:

¹ W. Richter, Die Sklaverei... стр. 24 сл.

² Busolt—Swoboda, стр. 170.

³ W. L. Westermann, RE, Suppl. VI, s.v. Sklaverei, стб. 896 сл.

⁴ G. Glotz. Le travail dans la Grèce ancienne, P., 1920, стр. 26 сл.

*Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами*

*ἦσαν δὲ δμῶνες μᾶλα μύριοι, ἄλλα τε πολλὰ
οἷσιν τ'εὖ ζῶουσι καὶ ἀφνειοὶ καλέονται*

(ср. XIX, 78 сл.).

Главным признаком не только богатства, но, что еще более важно, первым можно сказать, решающим условием «роскошной жизни» (εὖ ζῶειν) является владение большим количеством рабов. Здесь важно, очевидно, вовсе не то, как понимать μύριοι («десять тысяч» или «множество») ¹, — это делают буржуазные историки, «победоносно опровергающие» не Гомера, а свою собственную интерпретацию Гомера, — важна общая характеристика роли рабовладения в эпосе и, как единственный возможный, сам собой напрашивающийся вывод, признание высокой степени его развития.

Прочитанное нами место из «Одиссеи» подкрепляется многими аналогичными местами, которые далеко не всегда являются столь частыми у Гомера эпическими повторениями. Так, в II., XIX, 333, Ахиллес говорит о своем имуществе:

Наше владенье, рабов и с высокою кровлею дом наш

κτῆσιν ἐμῶν, δμῶν τε καὶ ὑψηφῆρες μέγα δῶμα

(ср. Od., VII, 225).

И в этом месте владение рабами является основным признаком богатства. В разобранных нами в начале статьи местах, где говорится о приобретении или захвате рабов, всюду они выдвигаются как важнейшая составная часть имущества. Таким образом, и подсчет числа рабов и рабынь в хозяйстве Одиссея, и общие характеристики, относящиеся к роли рабовладения, — все это подчеркивает, что рабство, по данным эпоса, является одним из важных элементов хозяйственной жизни.

Наблюдающаяся в буржуазной историографии тенденция к преуменьшению роли рабства в эпосе объясняется не данными источников, а общими установками буржуазных историков. В советской историографии вполне правильно характеризуется роль рабства в эпосе в одной из ранних работ проф. С. И. Ковалева. Он отмечает: «Прежде всего нужно констатировать широкое развитие рабства в Греции для сравнительно очень ранних эпох... его значение во всяком случае не следует преуменьшать. Учитывая момент неизбежного поэтического преувеличения и „округления“ цифр, считаясь с элементами „патриархальности“ в отношениях к рабам, мы, тем не менее, не можем не признать, что рабство, в сущности, уже начинает проникать весь строй гомеровского общества» ². Эта характеристика полностью соответствует данным эпоса.

Однако в связи с этим возникает очень важный, принципиального значения вопрос: почему в источниках, непосредственно следующих после времени окончательного оформления эпоса, в «Гомеровских гимнах», у Гесиода и у лириков, вплоть до Геродота, говорится относительно мало о рабах, во всяком случае значительно меньше, чем в эпосе? ³. Поставленный

¹ Термин μύριοι встречается в аналогичном смысле в применении к рабам в известном месте у Страбона о работорговле на Делосе (XIV, 5, 2); ср. ВДИ, 1950, № 1, стр. 58.

² С. И. Ковалев. Об основных проблемах рабовладельческой формации. ИГАНМК, 1933, вып. 64, стр. 7.

³ Ограниченные размеры журнальной статьи не позволяют нам дать здесь подробный анализ упоминаний о рабах в произведениях перечисленных авторов в сравнении с текстом гомеровского эпоса. Мы надеемся вернуться в будущем к этой теме.

нами вопрос, очевидно, тесно связан с отмеченным выше поразительным полным исчезновением «рабской» терминологии эпоса и появлением совершенно новых терминов, обозначающих рабов. Нельзя же полагать, что мы имеем дело с простой случайностью, тем более, что и сами древние авторы, касавшиеся вопроса о начале рабства у греков, единогласно отмечали относительно позднее появление института рабовладения у эллинов¹. Все они указывают, что было время, когда греки еще не знали рабства. При этом эта пора относится, с их точки зрения, несомненно, не к догомеровскому в античном смысле этого слова, а к последующему времени. Древнейший из этих авторов Геродот, по данным Гекатея², говорит, что, когда в Аттике жили еще пеласги и афиняне: «по воду к Девяти Ключам всегда ходили дочери п сыновья афинян, так как в то время не было еще рабов ни у них, ни у других эллинов» (ὁ γὰρ εἶναι τοῦτον τὸν χρόνον σφίσι καὶ οὐδὲ τοῖσι ἄλλοισι Ἑλλήσιν οἰκέτας (VI, 137)). Это очень важное свидетельство Геродота полностью согласуется со всеми прочими сведениями, которыми мы располагаем о жизни греческих племен в первые века I тысячелетия до н. э. Тимей у Афиней (VI, 264c) также указывает: «У эллинов в древнее время не было принятым обслуживание купленными рабами» (οὐκ ἔτι, φησι, πατριῶν τοῖς Ἑλλήσιν ὑπὸ ἀργυροπλήτων τὸ παλαιὸν διακονεῖσθαι). «Древнее время» Тимея, несомненно, относится к послегомеровскому периоду. Недаром он, продолжая свою мысль, ссылается на недавние обычаи локров и фокейцев не пользоваться трудом служанок и слуг-рабов (ἑραπεινας, οἰκέτας). Несколько дальше тот же Афиней, рассказывая о продаже Митридатом хиосцев в рабство, заявляет (VI, 266e—f): «Таким образом хиосцев справедливо наказало божество за то, что они первые воспользовались покупными рабами» (ὄνητοῖς ἑυδραπόδοις). Также и эта питата, без всякого сомнения, относится ко времени никак не раньше первой половины I тысячелетия до н. э.

Все процитированные высказывания свидетельствуют о том, что, по мнению самих древних, рабство у эллинов было относительно новым учреждением, во всяком случае не раньше гомеровского времени. Оно, очевидно, медленно и постепенно развивалось в X—VI вв., однако уже не на, так сказать, «скотоводческом», а скорее на земледельческом и частично торгово-ремесленном основании. Возможно, в этом именно аспекте следует понимать указанное сообщение Афиней о хиосцах и еще более свидетельства Геродота и Афиней (со ссылкой на Николая Дамаскского) о том, что Перипандр Коринфский запрещал гражданам покупать рабов.

В этой связи важно проверить, как освещаются вопросы рабовладения и соответствующей терминологии у ближайшего хронологически к Гомеру поэта — Гесиода. Исчерпывающее рассмотрение этого важного вопроса, очевидно, невозможно в рамках настоящей статьи и требует специального исследования. Однако кое-какие замечания необходимы и здесь. Гесиод в «Трудах и днях» несколько раз упоминает о рабах (строки: 470, 573, 597, 766). Это почти исключительно мужчины³. Всюду они называются δμῶες. Единственное известное их занятие — это земледелие. Они работают при посеве, во время жатвы и т. д. Таким образом, скупые данные Гесиода рисуют, насколько можно судить, картину применения рабского труда, значительно отличающуюся от картины эпоса. Но все же терминология Гесиода полностью совпадает с эпосом. Объяснить это кажущееся противоречие, на наш взгляд, можно тем обстоятельством, что Гесиод находился

¹ В справочнике Бузольта — Свободы (стр. 169, прим. 4) говорится «Было распространено мнение, что в древнейшее время у греков вообще не было рабов».

² RE. Suppl. VI, 895.

³ Единственное известное нам упоминание о рабыне у Гесиода имеется в 405-й строке, которая, по принятому мнению, считается послеперипандровской интерполяцией. См. RE, Suppl. VI, 899.

под большим влиянием Гомеровского эпоса. И. М. Тронский подчеркивает, что «язык ионического эпоса стал первым общегреческим литературным языком, воспринятым и в тех местностях, где население говорило на других греческих диалектах; эпический гексаметр делался основным орудием литературного выражения мыслей... Языком гомеровского поэта пишет и древнейший известный нам поэт материковой Греции Гесиод»¹. В коллективной «Истории греческой литературы» также указывается что, в «Трудах и днях» Гесиод «...использовал и искусственный эпический язык, в основе которого лежало ионийское наречие»². Как бы то ни было, даже в чисто количественном отношении рабство играет у Гесиода значительно меньшую роль, чем в произведениях Гомера. Правда, здесь необходимо учесть, что Гесиод описывает в основном крестьянские хозяйства Беотии, в то время как в «Одиссее» рассматриваются только хозяйства знати и не сообщается ничего об экономике мелкого земледелия.

Таким образом, и значительно меньшее число упоминаний о рабах у авторов VII — VI вв., и разрыв в терминологии, и все свидетельства древних писателей указывают на то, что непосредственно послемикенский период характеризуется весьма слабым развитием рабовладения. В X — VII вв. до н. э. рабовладение фактически появляется заново. Этот процесс появления и начального роста протекает неравномерно в отдельных областях греческого мира; он идет, вероятно, быстрее в Ионии и Коринфе, медленнее в Беотии, а также в Аттике, но повсюду он находится, так сказать, *in statu nascendi*, в то время, как в эпосе рабовладение представляется уже достигнувшим определенной, относительно высокой степени развития. С другой стороны, у нас нет никаких оснований полагать, что имел место какой-либо большой разрыв в развитии греческих племен в X в. до н. э. и в последующий период. Важным историческим рубежом в этом аспекте может быть только переселение дорян и связанное с ним крушение Микенской державы, датироваемые концом II тысячелетия. Со временем оформления эпоса, — а оно относится, по всей вероятности, к VIII, началу VII вв. до н. э.³ — никак не вяжется представление о значительном развитии рабовладения, особенно в тех масштабах, какие мы наблюдали в «Одиссее».

Мы не имеем ни одного археологического комплекса на территории собственно Греции и всего Эгейского бассейна, к которому можно было бы без натяжки отнести рабовладельческие хозяйства гомеровских басилеев, кроме памятников микенского времени. Единственным периодом, к которому можно отнести гомеровское рабство без ущерба для общей картины исторического развития социально-экономических отношений у древних греков, является время микенской культуры. Только ко времени

¹ И. М. Тронский, История античной литературы, Л., 1947, стр. 59.

² «История греческой литературы», т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 171.

³ В упомянутой выше работе В. Георгиева неоднократно утверждается, что произведения эпоса «оформились как нечто целое между X и VI вв.» (ук. соч., стр. 63). Это, пожалуй, слишком уже большой промежуток времени. Если речь идет о времени оформления эпоса, то за последние 40 лет в исследованиях специалистов наблюдается явная тенденция к значительному снижению времени жизни Гомера. P. Mazon, Introduction à l'Iliade, P., 1942, стр. 264—266, считает возможным датировать время создания эпоса второй половиной VIII в. Более осторожный Коэн (R. Cohen, La Grèce et l'hellénisation du monde antique, P., 1948, стр. 44) относит возникновение гомеровских поэм к 850—650 гг. Oxford classical dictionary, Oxf., 1949, s. v. Homer, датирует Гомера по археологическим данным временем не раньше VIII в. E. Mireaux, Les poèmes homériques et l'histoire grecque, P., 1948, стр. 18, относит Гомера даже к середине, а то и концу VII в. Этой же датировки придерживается и энциклопедия Паули (RE, s. v. Pias, 1041 сл.). Все указанные авторы говорят не об отдельных, более поздних интерполяциях, а именно о времени оформления эпоса как художественного целого.

преобладания «златообильных» Микен, на наш взгляд, могут быть приурочены большие количества рабов, о которых идет речь в «Одиссее».

Положительное доказательство выдвинутой гипотезы, очевидно, невозможно вплоть до окончательной расшифровки памятников минойской письменности как с самого Крита, так и с Пелопоннеса. Быть может, некоторое содействие в этом деле окажут и дальнейшие археологические находки, относящиеся к микенской культуре. Все же имеется ряд косвенных доказательств в пользу высказанного нами предположения. Прежде всего, если хозяйства басилеев с сотней рабов и рабынь в самом деле относились к микенскому времени, то, очевидно, в этот же период должна была существовать и соответствующая «рабская» терминология. После падения микенской культуры в связи с крушением экономической мощи и власти басилеев должно было регрессировать и примитивное рабовладение того времени. Уменьшение числа рабов ($\delta\rho\upsilon\delta\epsilon\varsigma$), постепенно — здесь речь идет о столетиях — должно было привести к выпадению соответствующих терминов из греческой разговорной речи первых веков I тысячелетия до н. э. Затем, связанное с постепенным общим экономическим подъемом, прогрессирующее общественное разделение труда должно было привести и привело к новому подъему рабовладения, ведущему на сей раз уже по прямой линии не к примитивному, а к развитому рабству. Соответственно этому возникают новые термины, обозначающие рабов: сначала ойкеты и дулы, а затем и андраподы. Единичные случаи применения этой новой терминологии в эпосе определяют первые шаги становления новой формы рабства, которая впоследствии одержит полную победу над архаическими, даже уже для того времени, терминами. Таким образом, наконец, будет снято кажущееся противоречие между свидетельствами античных авторов об отсутствии рабовладения в ранний период развития древнегреческих племен и свидетельствами более древнего эпоса о значительном развитии рабства.

Выдвинутую нами гипотезу никоим образом не следует понимать в том смысле, будто бы, по нашему мнению, все, без исключения, свидетельства эпоса о рабах относятся к микенскому времени. Такое предположение, несомненно, было бы неправильным. Так, например, данные «Одиссеей» о финикийской работорговле, очевидно, относятся ко времени после крушения Микен¹. К еще более позднему периоду, возможно, современному Гомеру, следует, на наш взгляд, отнести многократные упоминания о патриархальном характере рабовладения. Выше уже отмечалось, что в некоторых отношениях «Одиссея» отражает более поздний период рабовладения, чем «Илиада» (стр. 47 и 49). Данные о пиратстве и работорговле тафийцев тоже, несомненно, относятся не к концу II, а к первым векам I тысячелетия до н. э. По всей вероятности, к XI—VIII вв. надо отнести свидетельства о приобретении рабов на Сицилии, в частности, сведения о рабыне-сикелийке у Лаэрта.

Сделанные выше замечания ни в коей мере не противоречат принятому в советской историографии вполне правильному положению, что в эпосе отражена также и ранняя стадия развития древнегреческого общества, время расцвета первобытно-общинного строя и начало его разложения. Это положение в общих чертах безусловно правильно и остается в полной силе. Важно показать, что картина относительно развитых рабовладельческих отношений, рисуемая Гомером, не представляет собой, к стати говоря, как и весь эпос, однородного целого, а состоит из ранних — микенских и поздних, современных поэту, нашластований. Весь этот круг

¹ С. Я. Лурье вполне правильно отмечает, что упоминания финикийцев в эпосе явно не имеют отношения к микенской эпохе («История Греции...», стр. 52).

вопросов требует дальнейшего исследования. В данной связи необходимо подчеркнуть, что, согласно предложенной гипотезе, к микенскому времени относятся те места «Одиссеи», где речь идет о больших количествах рабов, в первую очередь те места, где перечисляются рабыни Алкиноя и число рабов и рабынь Одиссея.

Что касается анализированного выше описания дворца Алкиноя, следует указать, что, по общему мнению специалистов, это — одна из древнейших частей «Одиссеи», даже более древняя, чем многие составные части «Илиады». Это же относится и к описанию дворца Одиссея. Как в филологической, так и археологической литературе неоднократно указывалось, что описание дворца взято из древнейшего прошлого и, «чтобы понять устройство (the arrangements) дома Одиссея, мы должны возвратиться к дворцу на акрополе в Микенах»¹. Это, очевидно, касается не только дома с мегароном, восходящего к конструкциям дворцов в Микенах и в Тиринфе, но и всего быта в хозяйстве Одиссея. Это же, как доказывалось в данной статье, должно относиться и к рабовладению. Значительная степень развития рабства, наблюдаемая в эпосе, отражает не современную Гомеру, а значительно более раннюю микенскую действительность. Возможно, что именно в наличии длительного опыта исторического развития микенского времени кроется одна из главных причин того поразительно быстрого перехода греческих племен от примитивного к развитому рабовладению в первой половине следующего тысячелетия, который обеспечил классической Греции ее выдающееся место в истории рабовладельческого общества.

¹ J. V. Burg, *Homér, САН, II*, стр. 513.